

«ВАРВАРСКОЕ ПРОШЛОЕ» ИЛИ «ДРЯХЛАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ»?

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА
«ПРИУМНОЖЕНИЕ ЗНАНИЙ»
В ЭПОХУ КОРОЛЕВЫ ЕЛИЗАВЕТЫ И ЯКОВА I*

Г.В. Шпак

Истоки представления о разрыве в научном знании и преодолении заблуждений прошлого следует искать в так называемой «борьбе древних и новых»¹.

Устойчивое представление о том, что древнее знание на порядок превосходило современное, восходило не только к деятельности университетов и поклоняющихся перед методом Аристотеля схоластам, но и к более широкой теоретической концепции упадка природы и постепенного ее увядания. Во многом этим обусловлен подъем гуманистических переводов, нацеленных на очищение древнего знания от последующих наслоений².

Поклонение перед древними прекрасно видно в практике авторов XVI века. Английский дипломат Томас Элиот (ок. 1496–1546) был одним из первых, кто настаивал на использовании в литературе национального языка, а не латыни. При этом он являлся автором первого англоязычного словаря латинских слов, изданного в 1538 г. В 1536 г. он опубликовал на английском языке трактат «Замок Здоровья» (*Castel of Helth*). Во введении он отвечает на упреки в несовершенстве своих знаний:

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22–18–00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: Идея “Общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)».

¹ Bury J. 1920; Jones R. 1961.

² О гуманистической традиции обновления переводов «древних» текстов см. Hall M. 2013.

«...когда я написал эту книгу, я не был невеждой в медицине (*in phisicke*), ведь, когда мне было двадцать лет, почтенный философ (*Phisition*), один из самых известных в то время в Англии, видя, что я по своей природе склонен к знаниям, читал мне сочинения Галена о темпераментах, естественных способностях, введение Иоанниция (*the introduction of Iohannicius*), некоторые из афоризмов Гиппократа. Затем я самостоятельно прочел большую часть сочинений Гиппократа, Галена, Орибасия, Авла Цельса, Александра Траллиана, Цельса, первого и второго Плимуса и Диоскорида»³.

Таким образом, чтение древних для него является достаточным основанием для медицинских изысканий.

В трактате Уильяма Бюллейна 1562 г. «Оплот защиты от всех болезней» среди авторов «капитанов», к которым он возводит свой труд, перечислены: Моисей, Давид, Соломон, Гиппократ, Гален, Авиценна и пр⁴. Гален и Гиппократ считались отцами современной медицины, знание которых было необходимо для медицинской практики (*Phisitions*).

Первый на английском языке трактат о садоводстве «Самый краткий и приятный трактат, обучающий тому, как обустраивать, сеять и ухаживать за садом» Томаса Хила (1563 г.), в свою очередь отсылает нас к текстам древних, утверждая что его трактат является первым переводом на английский язык текстов, собранных ученым кардиналом и философом (*a learned Cardinall and Philosopher*) Фердинандо Понцетти «из арабских, греческих и древних физиков (*phisitions*), писавших на латинском языке»⁵.

Важную роль в пересмотре ценностей играла концепция неизбежного конца мира. В текстах то и дело встречаются наблюдения, касающиеся упадка современности. Золотой век прошлого, недостижимый Эдем, остались далеко позади, а современности достались только крохи знания, постижение которых, вкупе с обновлением переводов классических текстов сможет хотя бы отчасти компенсировать старение мира. Как отмечает Ричард Фостер Джонс:

³ Elyot T. 1595.

⁴ Bullein W. 1579.

⁵ Hill T. 1569. (Preface).

«Ослепленные возродившимся светом прошлого, елизаветинцы настолько облачили древних в одеяния власти, что последние стали оракулами, сомневаться в которых граничило со святотатством»⁶.

Священник Фрэнсис Шеклтон в сочинении 1580 г., посвященном изменениям, происходящим в природе, оспаривает идею о вечности мироздания. Он предлагает обратить внимание на те изменения, которые произошли в окружающем мире. Наводнения происходят все чаще, моря наступают, затапливая города и целые области, то и дело в мире случаются пожары или землетрясения⁷. «И чем еще могут быть эти странные перемены, как не очевидными доводами в пользу того, что миру придет конец?»⁸ — восклицает он. Как неопровергимый аргумент в защиту своей концепции он упоминает изменения, происходящие в небе:

«...некоторые утверждают, что расстояние между Солнцем и Землей, которая является центром мира, теперь почти на четвертую часть меньше, чем было во времена, когда жил Птолемей»⁹.

Все это доказывает, что мир стареет, а старость в его понимании сопряжена со слабостью и дряхлостью. Растения и травы теряют свою силу. Время жизни людей сокращается.

«Поэтому кажется неизбежным, что скоро произойдет конец и завершение мира, потому что он стареет и становится слаб во всех частях»¹⁰.

⁶ Jones R. 1961. 9.

⁷ Большое впечатление на англичан оказало так называемое «Пасхальное землетрясение» или «Землетрясение в Дуврском проливе», которое потрясло юг Англии 6 апреля 1580 г. Был опубликован целый ряд брошюр и стихов, посвященных этому событию. Брошюра Авраама Флеминга получила название «Яркое и пылающее предостережение, предупреждающее всех мудрых дев заправить светильники перед приходом жениха. Содержит общую доктрину различных знамений и чудес, особенно землетрясений. Беседа о конце этого мира: Воспоминание о недавнем землетрясении, случившемся 6 апреля, около 6 часов вечера 1580 года. Молитва об умиротворении гнева и негодования Божия».

⁸ Shakelton F. 1580.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

Представление о дряхлости современности будет настолько устойчивым, что, даже описывая последние географические открытия, Сэмюэль Перчейс в 1613 г. заявляет, что единствено благодаря великой работе Бога (*great worke of God*) в этот старый и дряхлый век мира (*in the old and decrepit Age of the World*¹¹) человеку открываются новые знания.

Образ увядающего мира будет частым приемом, используемым проповедниками. В одной из воскресных проповедей 1640 г. Джон Донн заявляет, что Бог специально наполнил мир знаками, сообщающими о его старении:

«Времена года неравномерны. Солнце становится все слабее. Люди стали меньше ростом и жизнь их стала короче. Никакого обновления, но только все новые виды червей, и мух, и болезней, свидетельствующих о все большем разложении, порождающем их»¹².

Более того, даже ангелы уже не идут на контакт с людьми столь охотно, как делали это в прошлом.

Но наиболее детально концепция упадка мироздания изложена в сочинении симпатизировавшего католикам англиканского епископа Годфри Гудмана «Упадок человечества или несовершенство природы, доказанное светом естественного разума» (1616 г.). Гудман заявляет, что будет опираться в своих доказательствах на доводы «естественного разума»:

«Так как человек в соответствии с его состоянием руководствуется чувством из-за отсутствия лучшего проводника, я возьму на себя полномочия вести его от чувственных объектов при свете его собственного разума к познанию духовных вещей»¹³.

Он опровергает суждение, что только духовным взором можно познать божественные истины, чем повторяет концепцию Ф. Бэкона:

«...естественный разум, признаюсь, сам по себе ущербен и не может постичь таинства веры; но, однажды исцелившись, будучи

¹¹ Purchas S. 1614. 48–49.

¹² Donne J. 1640. 357.

¹³ Goodman G. 1616. 6.

просвещен верой и озарен благодатью, он послужит для утверждения и укрепления оснований и принципов веры...¹⁴».

Как ни парадоксально, но именно опираясь на доводы естественного разума Гудман доказывает испорченность и увядание мира, упоминая многочисленных червей, мух, монстров, современные пороки и болезни — «они суть признаки разложения»¹⁵. В соответствии с идеей упадка мира он заявляет, что «лучшими авторами являются самые древние из дошедших до наших дней»¹⁶. Ему приходится отстаивать достоинства древних перед лицом современного знания. Он разбирает одну из главных метафор XVII в., говорящую о карлике на плечах великана¹⁷:

«Этот великий ученый век (*great learned age*) нашел метафору, согласно которой мы будто бы превозносим Древних, но на самом деле очень хитро принижаем их, изображая их своими скамееками для ног»¹⁸.

Изображая себя в виде карликов, сидящих на плечах гигантов, люди выдают собственные суждения за результат работы древних авторов, однако эта метафора вызывает у Гудмана целый ряд возражений. Большим вопросом, — говорит он, — является то, как карлики попадают на плечи гигантов и как держатся на них, ведь

«...следует опасаться, что, увидев крутой обрыв, они скорее упадут от головокружения, чем смогут правильно судить об объектах, по крайней мере, они будут сбиты с толку многочисленностью знаний их отцов»¹⁹.

¹⁴ Ibid. 10.

¹⁵ Ibid. 19.

¹⁶ Ibid. 360.

¹⁷ Метафора о карликах на плечах великанов восходит к XII веку. Первое упоминание этого афоризма приводит в XII в. Иоанн Солсберийский в труде «Металогик», приписав его Бернару Щартрскому. На протяжении средневековья афоризм использовался в качестве предписания христианам избегать высокомерия в отношении своих достижений.

¹⁸ Goodman G. 1616. 361.

¹⁹ Ibidem.

Он задает современникам вопрос о том, каким образом они надеются сравняться с древними: «неужели вы полагаете, что сможете сравняться в качестве и остроте зрения с великанами, бесконечно превосходящими карликов в длине и силе?»²⁰.

К началу семнадцатого века в рядах протестантов-миллениаристов была распространена концепция скорого начала тысячелетнего царствование святых. Считается, что именно это представление о будущем искуплении и благоденствии лежит в основе идеи прогресса в натурфилософии²¹.

Помимо елизаветинцев, риторическая власть которых преобладала внутри университетов и в церковных институциях, в Англии во второй половине XVI в. начинает усиливать влияние еще одна корпорация, стремящаяся к накоплению новых данных. Для торговых компаний практический опыт мореплавателей был на порядок важнее сведений, зафиксированных в текстах прошлого. Опыт ремесленников, фермеров, земледельцев мог иметь большую значимость, чем абстрактные категории качества, постулируемые перипатетиками.

Согласно инструкции, составленной Себастьяном Каботом для первой английской торговой экспедиции в Московию 1553 г., все лица «искусные в писании» должны вести наблюдения, «описывать и запечатлевать в памяти плавание каждого дня и ночи». Собранные данные должны сопоставляться между собой для сохранения наиболее достоверных: «после достаточного обсуждения, когда придут к общему заключению, весь материал должен записываться в общую постоянную книгу»²².

Математик Томас Диггес в работе 1576 г. «Идеальное описание небесных сфер» (*A Perfit Description of the Celestiall Orbs*) придерживается гелиоцентрической модели, утверждая, что, исправляя различные ошибки прошлого, он решил пересмотреть «модель мира и положение небесных и элементарных сфер, согласно учению Птолемея», которое «поддерживается университетами, сподвигнутыми

²⁰ Ibid. 362.

²¹ Iliffe R. 2000. 431.

²² Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. 1937, 30.

на это авторитетом Аристотеля»²³. В тексте Диггеса слышна идея превосходства его времени над прошлым:

«Но в наш век один редкий ум, видя постоянные ошибки, которых время от времени обнаруживается все больше, а также бесконечную нелепость их теорий, отрицающих какую-либо подвижность Земли, долгим изучением, болезненной практикой и редким изобретательством (*long study, painful practice, and rare invention*) создал новую теорию или модель мира, показывающую, что Земля покоится не в центре всего мира, а только в центре нашего бренного мира или сферы элементов (*Globe of Elements*), заключенной в орбиту Луны и, вместе со всей смертной сферой (*Globe of mortality*) ежегодно обращающейся вокруг Солнца, которое, подобно царю, правит посреди всего и дает законы движения всему остальному, сферически рассеивая свои великолепные лучи света по всему священному Небесному храму»²⁴.

Развитие знаний о мире становится важным аргументом в пользу превосходства современных методов. Уильям Барроу в предисловии к работе Роберта Нормана «Новое притяжение, содержащее краткий рассказ о магнетите или магнитном камне и, среди прочего, о его достоинствах, о новом обнаруженном секрете и тонком свойстве, касающемся склонения иглы к линии горизонта» (1581 г.) сообщает, что авторы прошлого не смогли дать хоть сколько-нибудь полезной информации, касающейся магнитного камня²⁵ и призывает моряков и путешественников изучать арифметику и геометрию, «которые являются основанием всех наук (*Science*) и некоторых искусств». Он утверждает, что их изучение не только позволит достичь понимания работы известных устройств, но и даст возможность «самому исправлять и изобретать новые и не только в навигации, но и во всех механических науках»²⁶.

Сведения, добытые на собственном опыте, более релевантны, чем данные, полученные из книг. В письме к королеве Елизавете Уильям Барроу в 1598 г. утверждает, что истинное знание может быть

²³ Digges L. 1585.

²⁴ Ibid.

²⁵ Norman R. 1581.

²⁶ Ibid.

основано только на личном опыте, отмечая, что гидрографическая теория не существует отдельно от практического мореплавания, тесно связанного со знанием астрономии и космографии, арифметики и геометрии, «составляющих два устоя всех наук», «так, необходимейшим образом наука и разум зависят от практического опыта»²⁷.

Мореплаватель Роберт Норман в упомянутой выше работе утверждал, что основывает свой труд только «на опыте, разуме и доказательствах, которые являются основанием искусств»²⁸. Он выступает за то, что знание, добытое на собственном опыте моряками, не может быть хуже знания, полученным в университетах из книг, в некотором смысле либерализируя возможность получения достоверной информации о мире. Он критикует знание, добытое в древности, сообщая, что

«...не только эти, но и многие другие басни были написаны людьми древнего времени (*those of ancient tyme*), которые, так сказать, выдавали собственное воображение за бесспорные истины, и это больше всего касалось географии и гидрографии или навигации»²⁹.

Он заявляет, что только опыт может быть надежным основанием для путешественников и мореплавателей:

«...я хочу, чтобы опыт руководил авторами в этих искусствах и определял их труды, чтобы последователи не были введены ими в заблуждение, как это часто бывает»³⁰.

Но наиболее последовательным противником древнего знания из числа елизаветинцев стоит назвать Уильяма Гилберта, опубликовавшего в 1600 г. знаменитый трактат «О магните». В нем У. Гилберт превозносит преимущества опытного знания над устаревшими текстами прошлого, позволившего ему обосновать собственную концепцию устройства мироздания:

²⁷ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. 1937, 90.

²⁸ Jones R.F. 1961, 14.

²⁹ Ibid., 15.

³⁰ Ibid.

«...при наших ежедневных опытах выяснились новые и неведомые особенности и благодаря тщательному рассмотрению вещей философия обогатилась в такой степени, что мы получили возможность приступить к объяснению с помощью магнитных принципов внутренних частей земного шара и его подлинной сущности и к ознакомлению людей с Землей (всеобщей матерью), как бы показывая на нее пальцем посредством истинных доказательств и опытов, прямо воспринимаемых нашими чувствами»³¹.

Знания эти прежде были упущены по причине «невежества древних или нерадивости новых ученых»³². Гилберту приходится доказывать, что «новое и неслыханное» не значит ложное, подкрепляя свою позицию экспериментами и приводя их подробное описание с целью, чтобы каждый при желании мог воспроизвести их сам, а также вводя «новые и неслыханные слова» и обосновывая необходимость их употребления. Но Гилберту недостаточно обосновать свою концепцию магнетизма, ему необходимо аргументированно доказать превосходство нового знания над текстами прошлого. Превосходство новой терминологии для него неоспоримо, поскольку «греческие аргументы и греческие слова не могут ни остроумнее доказать истину, ни лучше разъяснить ее»³³. Египтяне, греки, латиняне остались множеством заблуждений, придерживаясь которых «полузнайки блуждают среди вечного мрака»³⁴. Первая глава трактата «О Магните» фактически представляется собой ранний историографический разбор сложившихся заблуждений:

«В прежние времена, когда философия, еще грубая и неразработанная, пребывала во мраке заблуждений и невежества, были подмечены и познаны лишь немногие свойства и особенности вещей; леса, деревья и травы оставались дикими, добывание металла не было известно, познание камней было в пренебрежении»³⁵.

³¹ Гилберт В. 1956, 7-8.

³² Там же. 8.

³³ Там же. 9.

³⁴ Там же. 10.

³⁵ Там же. 21.

У. Гилберт приводит упоминания о силе магнита, встречавшиеся в прошлом, и последовательно опровергает их. Его трактат символизирует начало традиции, в которой безусловной истиной станет вера в преумножение наук и будущее совершенство научного знания:

«...однако, после того как в дальнейшем изложении будет раскрыта исследованная благодаря нашим трудам и опытам природа магнита, скрытые и недоступные причины такого действия магнита станут ясными, доказанными, очевидными и объясненными»³⁶.

Математик Эдвард Райт, написавший предисловие к трактату Гилберта, старается выражаться осторожнее, не отрицая полностью заслуги прошлого или, по крайней мере, выводя из-под числа подвергшихся критике работ Священное писание.

«Моисей и пророки не имели, по-видимому, намерения обнародовать остроумные открытия в математике или физике. Они хотели приоровиться к пониманию и способу выражаться толпы, подобно тому как кормилицы обычно приоравливаются к младенцам, а не сблюдать ненужную точность в мелочах»³⁷.

Это предположение кажется очень важным для понимания эпохи, в которую сталкивались два лагеря — тех, кто отвергает познавательные возможности современности и настаивает на приближении конца и тех, кто отрицает все, что было написано в древности, и рассуждает о грядущем расцвете знания.

Именно к этому времени относится знаменитая цитата из Гамлета: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам». В оригинале она звучит: «Есть многое на земле и в небе, что даже не снилось вашей философии» (*There are more things in heaven and earth, Horatio, Than are dreamt of in your philosophy*). С. Шейпин интерпретирует эту фразу как вызов, противопоставляющий новый подход, основанный на опытном знании классическому представлению философов³⁸.

³⁶ Там же. 29.

³⁷ Там же. 16.

³⁸ Dear P., Шейпин С. 2015. 337.

Позицию У. Гилберта о значении опыта разделяет Ф. Бэкон, хотя и не является сторонником его рассуждений о Душе мира. Однако позиция У. Гилберта кажется нацеленной исключительно на познание некой абсолютной истины, в то время как Ф. Бэкон говорит о том, что знание должно приносить пользу и служить на благо общества. То есть для юриста и лорд-канцлера Ф. Бэкона утилитарное значение знания для нужд государства является более существенным, чем окончательное познание устройства мира, в возможности реализации которого Ф. Бэкон сомневался.

В предисловии к «Восстановлению наук» Ф. Бэкон критически высказывается об успехах, сделанных в области познания в прошлом: «люди не были осчастлиvлены ни доверием, возлагаемым на других, ни собственным усердием в отношении наук (*sciences*)»³⁹ и использует ту же аллегорию, что и Гилберт, говоря, что человек из-за обманчивости указаний сбивается с дороги и блуждает в поисках верного пути. Ф. Бэкон боролся с догматизмом и приверженностью теориям, пытаясь выработать инструментальную программу, следуя которой любой желающий сможет приблизиться к истине: «Я не стремлюсь ограничивать людские суждения, но веду их к самим вещам»⁴⁰.

Для Ф. Бэкона «истина» являлась продуктом своего времени, то есть была необходима для реализации современных ей потребностей общества. Ранняя работа Ф. Бэкона на эту тему «*Masculus Partus Temporum*», написанная в 1603 г., содержит подзаголовок «Великое восстановление империи человека во вселенной» и включает рассуждение о том, что, именно освободив свое сознание от фантазий и упорядочив знание, человек придет к вере. Бэкон критикует схоластов, опирающихся на логику Аристотеля, и заявляет, что Бог своей милостью способен направить ум человека и остановить разрушительное действие времени⁴¹.

Первое издание «Эссе» (*Essays: Religious Meditations. Places of Perswasion and Disswasion. Seene and Allowed*) Бэкона 1597 г. содер-

³⁹ The Works of Francis Bacon in 15 vols. VIII. 32.

⁴⁰ Ibid. 34.

⁴¹ The Works of Francis Bacon in 15 vols. VII. 18.

жало всего 10 очерков юридического и бытового характера, но открывался сборник очерком «О познании» (*Of Studies*)⁴². С самого начала Бэкон сообщает, что

«...познание (*Studies*) служит для удовольствия, совершенствования и для развития способностей. Знания совершенствуют природу и сами совершенствуются опытом, ибо природные способности подобны диким растениям, которые нуждаются в обрезке путем изучения; сами же исследования дают слишком много общих указаний, если только они не ограничены опытом»⁴³.

Он не призывает отказываться от наследия прошлого, однако настаивает на том, что информация, приводимая в текстах философов древности, может оказаться устаревшей или просто неверной.

В 1605 г. опубликовано знаменитое произведение Бэкона уже в заголовке сообщающее о фокусе автора на трансформации темпоральности — «The Proficiency and Advancement of Learning, Divine and Human». Мы можем найти разные варианты перевода понятия «*Advancement of learning*» на русский язык — «развитие знания»⁴⁴; «приумножение наук»⁴⁵; «прогресс учености»⁴⁶; «преуспевание знания» и пр. Не останавливаясь здесь на проблематичности однозначного перевода, замечу, что все представленные варианты отражают идею потенциального превосходства знания современности над идеями прошлого. Бэкон призывает воздерживаться от «чрезмерного почтения» перед интеллектом человека, приводя в пример Аристотеля и Платона, как чересчур увлеченных собственными концепциями. Критике подвергаются и алхимики, которые «выстроили свою философию, опираясь на несколько опытов (*a few experiments*), сделанных в плавильной печи»⁴⁷ и соотечественник и современник Бэкона.

⁴² Сложность перевода связана с тем, что данное понятие можно перевести как «научное познание», но по контексту видно, что в данном случае речь идет о познании в более широком смысле.

⁴³ The Essays of Francis Bacon. 1908. 233–234.

⁴⁴ Дмитриев И.С. 2020. 184.

⁴⁵ Бэкон Ф. 1972. Т. 1. 81; (на С. 526 используется вариант «развитие знания»).

⁴⁶ Елькин И.О. 2007.

⁴⁷ The Works of Francis Bacon in 15 vols. VI. 132.

она У. Гилберт, который «создал новое философское учение, наблюдавая за магнитным камнем»⁴⁸. Основную причину подобных заблуждений Ф. Бэкон видит в тщеславии мыслителей, занимающихся по знанием для собственной выгоды, а не для постижения сокровищницы знаний, созданной «во славу Творца и ради облегчения человеческого состояния (*the relief of man's estate*)»⁴⁹. Само изучение мира способствует усмирению нравов и развитию добродетелей, невежество же напротив ведет к бунтам и мятежам:

«...самые варварские, грубые и невежественные времена были наиболее подвержены смятениям, мятежам переворотам»⁵⁰.

И именно образование «устраняет дикость, варварство и свирепость человеческих умов»⁵¹. В дальнейшем дилемма науки и варварства будет представлена еще ярче, особенно в трудах просветителей XIX в.

Однако Ф. Бэкон не был ярым противником прошлого. Напротив, он призывал к почтительному, но осторожному отношению к древним трудам:

«Древность заслуживает того, чтобы люди опираясь на нее, открывали лучший путь и следовали по нему дальше (*then to make progression*)»⁵².

Он признавал, что «мир уже состарился», но выступал против идеи, что время отбросило все ложные концепты, оставив только достоверные. Напротив, он считал, что многое из написанного в прошлом могло быть искажено, из чего он делает вывод, что нужно осторожно относится к текстам прошлого и не боятся заглядывать дальше Аристотеля и Платона, и формулирует идею о том, что опыт сможет помочь восстановить забытое знание:

⁴⁸ Ibidem.

⁴⁹ Ibid. 134.

⁵⁰ Ibid. 104.

⁵¹ Ibid. 162.

⁵² Ibid. 129.

«...ведь время подобно реке или ручью, который приносит к нам все легкое и пустое, а все плотное и тяжелое в нем тонет»⁵³.

Мы не будем подробно рассматривать все работы Бэкона, поскольку в большинстве из них можно найти ключевые идеи его программы «восстановление наук и искусств и всего человеческого знания», отметим только, что он призывал бороться с догматизмом, утверждая, что каждому времени соответствует определенный тип познания и главное, чтобы современное знание приносило человечеству пользу, а так как знание прошлого не справляется с этой задачей, его необходимо изменить. Ключ к этому он видит в разработке программы естественной философии, которая должна не заменить, но дополнить и исправить философию моральную и гражданскую. В обращении к Якову I, предшествующем «Новому Органону», Ф. Бэкон признается, что считает свой труд «более порождением времени, чем ума» (*pro partu temporis quam ingenii*)⁵⁴

В 1627 г. будет опубликована знаменательная работа священника Джорджа Хейквилла, полностью посвященная опровержению идеи разложения мира и доказательству превосходства настоящего знания над прошлым — «Апология могущества и промысла Божия в управлении миром или исследование и осуждение общего заблуждения, касающегося вечного и всеобщего упадка природы». Данная работа выходит за рассматриваемые хронологические рамки, поэтому приведем только небольшой пример. В обращении к Оксфордскому университету Хейквилл возвращается к распространенной метафоре, говорящей о карлике на плечах великана. Он замечает, что если мы так восхищены прошлым, что принимаем «их за великанов, а самих себя за карликов», то в таком случае у нас мало шансов сравняться с ними. Главными препятствиями на пути он называет неуверенность в себе и убеждение в том, что все уже сделано в прошлом. Он обращает внимание на успехи в печатном деле и в навигации, на рост количества хороших библиотек и щедрость благотворителей, замечая, что отцы, поклоняющиеся перед прошлым и недооценивающие себя, оставили после себя много нового и подытоживает, что его современники

⁵³ Ibid. 131.

⁵⁴ The Works of Francis Bacon in 15 vols. I, 197.

«...могли бы также продвигать, приумножать и увеличивать наше наследие, как они оставили его увеличенным для нас»⁵⁵.

Идея превосходства стратегий познания настоящего над знаниями прошлого далеко не сразу станет общераспространенной. Потребуется еще около столетия, чтобы эта концепция окончательно утвердилась в трудах мыслителей.

В 1667 г. была издана «Истории королевского общества» Т. Спрага — работа, хотя официально и не одобренная обществом, оказавшая сильное влияние на последующие поколения историков. В первой части трактата Т. Спрат повествует о развитии знаний прошлого, утверждая, что в античности и средневековье слишком сильным был акцент на абстрактном вместо изучения реального опыта: «во все предыдущие века эти исследования были подавлены из-за корыстных интересов различных группировок, жестоких споров, притворного правдоподобия, религиозных конфликтов, догматических взглядов, бедности исполнителей и отсутствия сообщества экспериментаторов»⁵⁶. Т. Спрат взирает на прошлое с высот своего времени, утверждая, что Королевское общество знаменует победу настоящего над прошлым.

Но если во времена Т. Спрага далеко не все мыслители и члены сообщества отказывались от достижений древних авторов, то уже к концу последующего столетия наука будет тесно связано с идеей прогресса и превосходства над знанием древности.

Концепция разрыва, внезапной трансформации или «Научной революции» восходит к эпохе Просвещения, окончательно утвердившей представление о становлении нового знания, не имеющего с прошлым почти никакой связей. Показательным примером является введение Жана Лерона Д'Аламбера к «Энциклопедии, или толковому словарю наук, искусств и ремёсел» (1751–1780).

Д'Аламбер не до конца рвет со знанием прошлого, но средневековье для него является периодом, когда знание практически не развивалось: «не было недостатка в препятствиях, которые надолго

⁵⁵ Hakewill G. 1627.

⁵⁶ Sprat T. 1667, 430.

задержали возвращение разума и вкуса»⁵⁷. Он одним из первых использует для описания научного развития понятие «революция»:

«Итак, одна из тех революций, которые заставляют мир принять новый вид, была необходима, чтобы дать человеческому роду возможность выйти из варварства. Греческая [Византийская] империя была разрушена, и ее крушение заставило небольшой остаток знаний в мире вернуться в Европу. Изобретение книгопечатания и покровительство Медичи и Франциска I оживили умы, и повсюду возродилось просвещение»⁵⁸.

Главным же «революционером» он называет «бессмертного канцлера Англии» Френсиса Бэкона: «Рожденный в глубине глубочайшей ночи, Бэкон сознавал, что философии еще не существовало, хотя многие люди, несомненно, обманывали себя, что преуспели в ней»⁵⁹.

Эпоха Просвещения заложила основу для возникновения концепта «Научная революция», который возвел непреодолимую стену между прогрессивной современностью и, как писал Ф. Бэкон, «варварским, грубым и невежественным» прошлым.

⁵⁷ D'Alembert J.-B. 2009.

⁵⁸ Ibid.

⁵⁹ Ibid.